

Зверев Кирилл Александрович*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромского государственного университета.

Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства

В последние десятилетия происходит масштабная переоценка ценностей и исторического прошлого, особенно в западном мире. В качестве примера здесь можно привести страны Восточной Европы и постсоветского пространства, где смена исторической парадигмы приобрела черты вполне оформленной и состоявшейся государственной исторической политики. Под *исторической политикой* в данной статье мы подразумеваем набор практик, применяемых отдельными политическими силами для утверждения определённых интерпретаций исторических событий как доминирующих¹. Понятие "политика памяти" используется нами как синоним исторической политики. Сам термин появился в Германии в 1980-х гг. и получил широкое распространение сначала в Польше, а затем и в других государствах региона. Из республик бывшего СССР польский опыт уже переняли Украина, Молдова, Грузия, Литва. Но одной из первых стала Эстонская Республика, где появление отдельных элементов исторической политики можно увидеть с начала 1990-х гг.

Перестройка в СССР активизировала сепаратистские тенденции в ряде регионов, включая прибалтийские республики, где движение за отделение от Советского Союза приобрело наиболее организованный характер и получило название "Поющая революция". Причём в Эстонии, в отличие от Латвии и Литвы, оно не привело к кровопролитию и носило в целом мирный характер. В августе 1991 г., после провала путча ГКЧП, Таллин, Рига и Вильнюс объявили о восстановлении своей независимости на основе принципа исторической преемственности по отношению к республикам межвоенного периода². Впоследствии данная особенность

* zwerew.kir@yandex.ru

¹ *Миллер А.И.* Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. Май – август. № 3–4 (46). С. 6–23.

² На самом деле, и это весьма примечательно, законодательное оформление сессии прибалтийских республик было проведено ими ещё задолго до путча ГКЧП. В Литве и ранее предпринимались шаги в этом направлении. Первым актом, в котором идея национальной независимости получила правовое обозначение, была Декларация Верховного Совета Литовской ССР "О государственном суверенитете Литвы", принятая 18 мая 1989 г. В ней провозглашалось, что в 1940 г. на основе пакта и дополнительных протоколов, подписанных Германией и СССР в 1939 г., суверенное Литовское государство было

коренным образом повлияла на зарождение и развитие местной политики памяти.

Для понимания причин популярности тезиса о континуитете (исторической правопреемственности) необходимо обратиться к одному из эпизодов "Поющей революции", а именно к конференции прибалтийских народных фронтов (Народного фронта Эстонии, Народного фронта Латвии и движения "Саюдис" Литвы), которая проходила в Таллине 13–14 мая 1989 г.³ Помимо прочего, на мероприятии обсуждался вопрос о вхождении прибалтийских республик в состав СССР в 1940 г. В этой части конференции деятельное участие принял учёный-юрист, советолог из ФРГ Дитрих Лёбер – один из руководителей Института права, политики и общества социалистических государств, а также, наряду с Борисом Мейснером, член Гёттингенской рабочей группы учёных, занимавшейся изучением истории и культуры немцев Восточной Европы и обоснованием непризнания восточной границы Германии по Одру – Нейсе правительством ФРГ⁴. Д. Лёбер представил на конференции копии секретных протоколов к пакту Молотова – Риббентропа⁵, доказывая тем самым факт "незаконности" присоединения Эстонии, Латвии, Литвы к Советскому Союзу, т.е. обосновывая правильность исторической концепции оккупации

незаконно насильственным путём присоединено к Советскому Союзу, утратив тем самым политическую, экономическую и культурную самостоятельность. Но в данном документе шла речь о необходимости заключения в будущем новых договоров с СССР и другими союзными республиками. Постановлением Верховного Совета Литовской ССР от 4 сентября 1989 г. была создана Комиссия по разработке плана восстановления государственности Литвы. Следующим шагом стало принятие Постановления Верховного Совета Литовской ССР от 7 февраля 1990 г. "О советско-германских договорах от 1939 г. и ликвидации их последствий для Литвы". В этом акте объявлялось, что Декларация Народного сейма Литвы от 21 июля 1940 г. о вхождении Литвы в СССР, как не выражающая волю литовского народа, является незаконной и недействительной, а закон СССР "О принятии Литовской ССР в Союз ССР" от 3 августа 1940 г. был объявлен незаконным и юридически не связывающим Литву. 30 марта 1990 г. в Эстонии было принято постановление "О государственном статусе Эстонии". 4 мая 1990 г. вышла в свет Декларация о восстановлении независимости Латвийской Республики. В Эстонии ещё 12 ноября 1989 г. было принято Постановление Верховного Совета Эстонской ССР "Об историко-правовой оценке событий, имевших место в Эстонии в 1940 году". Действия тогдашнего руководства СССР в 1940 г. были квалифицированы как агрессия против Эстонской Республики, военная оккупация и аннексия. Выборы в Государственную думу Эстонии, проведённые 14 и 15 июля 1940 г., признавались недействительными, а следовательно, и образованный на их основе парламент – неправомочным принимать решения, изменяющие статус Эстонской Республики. В силу этого включение Эстонии в состав СССР объявлялось неправомочным. Но в то же время в данном акте не шла речь о выходе из состава СССР. Верховный Совет Эстонской ССР оставлял за собой право на переговоры об отношениях в Союзе суверенных государств и в международном сообществе. – *Прим. ред.* Подробнее об этом см.: Куртов А.А. Пироманы из Закавказья: Деятельность политиков Грузии по развалу Союза ССР // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). С. 18–20.

³ Балтийская ассамблея: Сб. докл. Таллинн, 13–14 мая 1989 г. // Народный фронт Эстонии. Таллинн: Валгус, 1989. 15 с.

⁴ См. офиц. сайт Гёттингенской рабочей группы: URL: <http://www.goettinger-arbeitskreis.de/geschichte/> (дата обращения: 14.07.2020).

⁵ Graf M. Impeeriumi lõpp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991. Tallinn: Argo, 2012. L. 104–105.

стран Балтии, к разработке которой он был привлечён вместе с Б. Мейснером ещё с 1950-х гг.⁶

Интересно, что через три месяца после Балтийской ассамблеи в ознаменование 50-летия подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (и секретных протоколов к нему), 23 августа 1989 г., народными фронтами прибалтийских республик была организована знаменитая акция "Балтийский путь", призванная привлечь международное внимание к факту "незаконного инкорпорирования" Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР. По нашему мнению, данная акция значительно повлияла на усиление позиций сторонников особой трактовки континуитета и популяризации тезиса о необходимости "восстановления" утраченной государственности балтийских республик. На это указывают хотя бы результаты выборов в Верховный Совет Эстонии, где уверенную победу одержали представители Народного фронта⁷, позже выступившие в поддержку этого процесса. Кроме того, всё большую роль в Народном фронте стали играть члены Конгресса Эстонии и эмигрантские круги⁸, которые и были особенно заинтересованы в "восстановлении" довоенной государственности. Ведь концепция "оккупации стран Балтии" и вытекавшая из неё идея непрерывности существования Эстонской, Латвийской и Литовской Республик позволяла претендовать на утраченные в результате национализации активы и собственность. Свою роль здесь сыграла и Декларация Уэллеса⁹, принятая Вашингтоном 23 июля 1940 г. и давшая начало политике непризнания вхождения прибалтийских республик в состав СССР (декларация сохраняла действие вплоть до выхода Эстонии, Латвии, Литвы из состава Советского Союза в 1991 г.).

Фактически мы можем констатировать, что уже в 1989 г. концепция "оккупации стран Балтии", выработанная Гёттингенской рабочей группой, становится краеугольным камнем борьбы прибалтийских народных фронтов за независимость от СССР, а также обоснованием принципов реституции в законодательном и институциональном оформлении республик.

Применительно к Эстонии здесь следует упомянуть и Комитеты граждан, возникшие в 1989 г. с целью регистрации правопреемных граждан существовавшей до 1940 г. республики и выбора своего представительного собрания – Конгресса Эстонии. Данный орган задумывался как совет национально ориентированных лиц, которые должны добиваться

⁶ Meissner B., Loeber D.A. Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994. Hamburg: Bibliotheca Baltica; Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 lk.

⁷ Eesti NSV / Eesti Vabariigi Ülemnõukogu XII koosseis Statistikat ja ülevaateid Riigikogu Kantselei Eesti Rahvusraamatukogu 29.03.1990 – 29.09.1992. Tallinn: Riigikogu Kantselei, 2013. L. 9.

⁸ Вербин В. 20 лет Конгрессу Эстонии, или Тёмная сторона Луны // DELFI. 2010. 11 марта. URL: <https://rus.delfi.ee/projects/opinion/20-let-kongressu-estonii-ili-temnaya-storona-luny?id=29709683> (дата обращения: 15.07.2020).

⁹ Statement by the Acting Secretary of State, the Honorable Sumner Welles. July 23, 1940 // Wilson Center. Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/144967.pdf>; Ээсма: 80 лет спустя нам всё ещё нужна декларация Уэллеса // DELFI. 2020. 23 июля. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/eesma-80-let-spustya-nam-vse-eschenuzhna-deklaraciya-uellesa?id=90526973> (дата обращения: 23.07.2020).

независимости Эстонии. В выборах, проводившихся 24 февраля 1990 г., участвовали 557 613 правопреемных граждан, т.е. лиц, являвшихся до 1940 г. гражданами Эстонской Республики или их потомками, а также 34 345 ходатайствующих о гражданстве¹⁰, позже получивших его без экзаменов. В состав Конгресса входили 499 членов, имевших право голоса. На I сессии Конгресса Эстонии, состоявшейся 11–12 марта 1990 г., было решено восстановить Эстонскую Республику на основании правовой преемственности¹¹.

Таким образом в Эстонии в 1990 г. возникла ситуация двоевластия: с одной стороны, законным органом управления оставался Верховный Совет, где более 40 % мест на выборах 18 марта 1990 г. получили представители Народного фронта¹², с другой – самочинно возникший и выбранный лишь частью населения Конгресс Эстонии. При этом открытого противостояния между данными структурами не произошло, так как их цели к 1990 г. были в основном идентичны – независимость Эстонской Республики на условиях восстановления довоенной государственности. Следует упомянуть, что в состав Конгресса Эстонии входили несколько десятков представителей Верховного Совета (от Народного фронта)¹³, т.е. в двух органах заседали одни и те же люди. Учитывая это обстоятельство, неудивительно, что новый состав Верховного Совета из числа представителей народных фронтов Конгресса Эстонии принял 30 марта 1990 г. Постановление "О государственном статусе Эстонии"¹⁴, в котором содержался и тезис о "советской оккупации" в русле одноимённой концепции Гёттингенской рабочей группы.

Второй важнейший документ, провозгласивший Эстонию независимым государством 21 августа 1991 г.¹⁵, повторял изложенные выше принципы, а также закреплял за Конгрессом Эстонии важнейшую функцию по созданию законодательной базы нового государства: "Для выработки Основного Закона Эстонской Республики и представления его на референдум образовать Конституционную Ассамблею, состав которой формируется путём делегирования высшим законодательным органом государственной власти Эстонской Республики – Верховным Советом Эстонской Республики и представительным органом граждан Эстонской Республики – Конгрессом Эстонии"¹⁶.

¹⁰ Григорян Р. Неизвестные страницы "поющей революции" // Анатомия независимости: Сб. статей / Под ред. Р. Григоряна, И. Розенфельда. Тарту: Kripta, 2004. С. 189.

¹¹ История Эстонии / Пер. Э. Вярэ. Таллинн: Avita, 2020. С. 332; Конгресс Эстонии // *Estonica*: Энциклопедия об Эстонии. URL: http://www.estonica.org/ru/Конгресс_Эстонии_/ (дата обращения: 14.07.2020).

¹² Eesti NSV / Eesti Vabariigi Ülemnõukogu XII koosseis Statistikat ja ülevaateid Riigikogu Kantselei Eesti Rahvusraamatukogu 29.03.1990–29.09.1992. L. 9.

¹³ Вербин В. Указ. соч.

¹⁴ Постановление Верховного Совета Эстонской ССР "О государственном статусе Эстонии" от 30 марта 1990 г. // К Союзу Суверенных Народов: Сб. документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвящённых проблеме национально-государственного суверенитета / Сост. А.И. Доронченков. М.: Ин-т теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991. С. 243.

¹⁵ О государственной независимости Эстонии // Ведомости Эстонской Республики. 1991. 21 августа. № 25.

¹⁶ Цит. по: Там же.

В результате с самого начала формирования нового эстонского государства важнейшим столпом нарождающейся исторической политики стала концепция "оккупации стран Балтии", которую предстояло обосновывать и популяризировать в общественном пространстве и на международной арене.

Но возникает закономерный вопрос: почему же данная концепция и сам тезис о "советской оккупации" стали настолько популярными в Прибалтике и явились краеугольным камнем местной исторической политики? По нашему мнению, данный факт можно объяснить следующим. Концепция "оккупации стран Балтии" давала возможность эстонскому истеблишменту обосновать состоятельность идеи непрерывного существования Эстонской Республики, провозглашённой в 1918 г. (затем подвергшейся "советской оккупации с 1940 по 1991 г."), и её политическое и правовое возрождение, восстановление в 1991 г. В частности, принцип реституционализма позволял претендовать на национализированную в советский период собственность, на активы Первой Эстонской Республики за рубежом, на восстановление членства в некоторых международных организациях, на безоговорочный вывод советских/российских войск со своей территории, а также на возможные территориальные уступки со стороны России (Печорский район Псковской области и правый берег р. Нарвы с Ивангородом в 1920–1930-х гг. являлись территорией Эстонской Республики и в 1944–1957 гг. были переданы Псковской и Ленинградской областям соответственно)¹⁷ и требовать компенсаций за "оккупацию". Кроме того, не следует забывать и о национальном вопросе, а именно о статусе местного русскоязычного населения, подавляющая часть которого прибыла туда именно в советский период и, таким образом, не могла претендовать на восстановление гражданства.

Однако будет неверным подразумевать под эстонской государственной исторической политикой исключительно тезис о "советской оккупации". Вторым её важнейшим аспектом, тесно связанным с первым, стал *принцип этноцентризма*, под которым мы понимаем комплекс подходов к вопросам исторического развития эстонского народа, к государственному строительству, направленных на построение общественно-гражданских отношений, способных обеспечить политическое, экономическое, социально-культурное доминирование титульной нации во внутригосударственной жизни республики, а также устойчивое национальное развитие и неприкосновенность местной культуры, языка, этнической самобытности. Данный принцип выразился в принятии этнически ориентированного, дискриминационного применительно к местному русскоязычному населению законодательства, о котором речь пойдёт далее¹⁸.

Третьим столпом эстонской политики памяти стал *принцип антикоммунизма*, направленный на развенчание "преступлений коммунизма"

¹⁷ Принцип реституционализма на самом деле не даёт Эстонии однозначного и безоговорочного права на территориальные претензии к России хотя бы на том основании, что эти территории входили в состав России задолго до событий XX в. – *Прим. ред.* Подробнее об этом см.: Куртов А.А. Эстония сдаётся // Столетие. 2005. 21 июня. URL: [http://www.stoletie.ru/gossiya_i_mir/estoniya_sdaetsya.htm](http://www.stoletie.ru/gossiya_i_mir/estoniya_sdaetsya) (дата обращения: 03.08.2020).

¹⁸ Подобная практика в политике обычно именуется национализмом и этнократией. – *Прим. ред.*

против эстонского народа. По нашему мнению, данный принцип не столько характерен для Эстонской Республики или Прибалтики, сколько для государств Восточной Европы в целом. В странах Балтии он применялся в большей степени для достижения внешнеполитических целей и заметную роль стал играть лишь во второй половине 2000-х гг.

Первые два принципа эстонской государственной исторической политики прекрасно себя проявили в ходе законодательного оформления новой республики. Так, основываясь на принципах правопреемственности и национальной идентичности, была написана Конституция 1992 г., где в целом возобладали идеи Конгресса Эстонии: конституции Эстонской ССР были признаны юридически ничтожными с момента принятия; эстонский стал единственным государственным языком; Эстонская Республика обязана "обеспечить сохранность эстонской нации и культуры на века"¹⁹.

Референдум о принятии новой конституции²⁰ состоялся 28 июня 1992 г. В списке имеющих право голоса было внесено 669 080 человек из 1 164 603 избирателей периода существования ЭССР²¹. В голосовании участвовали лишь 446 708 человек (или 38 % от числа избирателей советского периода), из которых около 91,3 % поддержало новую редакцию Основного закона²².

Ещё до референдума о конституции, 30 марта 1992 г., в Эстонии вступил в силу Закон о гражданстве, который с отдельными изменениями (в сторону ужесточения) повторял законодательный акт 1938 г.²³ Согласно новому документу, постоянные жители, прописанные на территории ЭССР, но не являвшиеся гражданами Эстонской Республики на 16 июня 1940 г. или их потомками, могли приобрести гражданство ЭР, только пройдя процедуру натурализации²⁴. Как результат, более 400 тыс. человек (в большинстве своём русскоязычные), поселившиеся в Эстонии в 1945–1991 гг., остались без местного гражданства, хотя многие из них провели в республике большую часть жизни или вовсе родились там. Интересно, что Закон о гражданстве 1938 г. был более либеральным по своей сути и позволял получить эстонский паспорт без экзаменационных процедур тем, кто прожил на территории республики более десяти лет²⁵. Но данный

¹⁹ См. Преамбулу Конституции страны: Конституция Эстонской Республики // Президент Эстонской Республики. Офиц. сайт. URL: <http://www.president.ee/ru/republic-of-estonia/constitution-of-the-republic-of-estonia/index.html> (дата обращения: 16.07.2020).

²⁰ Конституция Эстонской Республики.

²¹ Середенко С. Русская правда об эстонской конституции // Ин-т Русского зарубежья. 2011. 16 ноября. URL: <https://russkie.org/articles/russkaya-pravda-ob-estonskoy-konstitutsii/> (дата обращения: 17.07.2020).

²² Valimised Eestis 1992–2011: statistikat ja selgitusi. Tallinn: Vabariigi Valimiskomisjon, 2011. 118 lk.

²³ Kodakondsuse seadus (Закон о гражданстве 1938/1992) // Riigi Teataja. 1992. No. 7 (Ст. 109).

²⁴ Натурализация (от *фр.* naturaliser) – индивидуальный приём в гражданство иностранца по его заявлению. Обычно натурализация возможна после более или менее длительного проживания иностранца на территории данного государства (в Эстонии также требуются владение официальным языком, наличие средств к существованию, отсутствие судимостей и т.п.), круг прав у натурализованных граждан уже, чем у прирождённых (они не могут быть избраны президентом, могут быть лишены гражданства).

²⁵ См.: С гражданством и без // Молодёжь Эстонии. 1998. 11 апреля. URL: <http://www.moles.ee/98/Apr/11/2-1.html> (дата обращения: 17.07.2020).

пункт был целенаправленно исключён из новой редакции закона, чтобы не расширять круг возможных граждан среди неэстонцев²⁶. Его принятие привело к явному ущемлению избирательных прав около трети жителей Эстонии, в результате неэстонское население было преднамеренно лишено пассивного и активного избирательного права: не имело возможности принять участие в референдуме о конституции и выбирать или быть избранными в рийгикогу (парламент). Вследствие этого собравшийся в новом составе в 1992 г. парламент Эстонии практически полностью состоял из этнических эстонцев²⁷.

Таким образом, с самого начала существования независимого эстонского государства (1991–1992 гг.) принцип правопреемственности, декларированный и пропагандированный Конгрессом Эстонии, использовался избирательно: отступление от данного принципа произошло в наиболее важных вопросах (пересмотр Закона о гражданстве 1938 г., принятие новой Конституции 1992 г.). То есть принцип правопреемственности служил лишь прикрытием и оправданием националистической политики и борьбы за власть. Зарождающаяся же государственная историческая политика и два её ключевых принципа – концепция "оккупации стран Балтии" и этноцентризм – стали инструментами в решении вполне конкретных политических и экономических задач²⁸.

Кроме того, этноцентризм в качестве одной из основ государственной идеологии выразился и в местной исторической парадигме. Ещё в 1920-х гг., с появлением первого независимого эстонского государства, борьба древних эстов с немецкими рыцарями-крестоносцами стала интерпретироваться как "древняя освободительная борьба" по аналогии с освободительной войной 1918–1920 гг. (в эстонской историографии так именуется гражданская война на территории Эстонии). Это понятие вошло сначала в научные труды, а затем в лексикон школьников и интеллигенции²⁹. В учебной ли-

²⁶ Сопроводительное письмо к проекту постановления Верховного Совета Эстонской Республики "О гражданстве Эстонской Республики" // Rahvusarhiiv (Эстонский государственный архив). Ф. R-3. Оп. 3. Д. 16115.

²⁷ Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии / Под ред. В.В. Полещука. М.: Рус. панорама, 2009. С. 151.

²⁸ В дополнение к сказанному автором отметим ещё ряд обстоятельств. В Конституции Эстонской Республики 1920 г., на которой так любят спекулировать нынешние власти страны, русский язык был зафиксирован как государственный наравне с эстонским и немецким. А принятый ещё ранее упомянутого автором Закона о гражданстве 1938 г. закон 1922 г. не лишал русских Эстонии избирательных прав.

Этнократические же тенденции в политике Эстонской Республики стали преобладать примерно с середины 30-х гг. XX в. (очевидна связь с событиями в фашистской Германии). Так, в 1934 г. был принят Закон о принадлежности к нации, который заменял территориальный принцип на понятие "эстонской национальности", т.е. был осуществлён переход к принципу крови. А Закон о языке 1934 г. юридически закрепил ряд преимуществ эстонского языка по сравнению с русским, немецким и шведским языками. Именно в тот период были приняты меры по ограничению возможности получения образования на русском языке.

Тезис же об "оккупации стран Балтии" справедливо развенчан в объективной науке, поскольку ввод советских войск в Прибалтику был осуществлён в 1940 г. не в результате войны, а на основе заключённых с официальными правительствами договоров о взаимопомощи. – *Прим. ред.*

²⁹ История Эстонии. С. 55.

тературе отмечалось, что "древняя освободительная борьба на протяжении многих столетий наполняла грудь эстонца гордостью в достойнейших качествах своих предков, в числе которых ярко сияют любовь к свободе, высокая мораль война, смелость, упорство, внутренний стержень"³⁰. Период шведского владычества второй половины XVI–XVII вв. стал восприниматься в историографии как золотое время прогрессивного развития, а последние десятилетия существования Российской империи встречали негативные оценки из-за политики русификации и попыток подавления национального пробуждения³¹. Но более значительная переоценка прошлого проявилась в начале 1990-х. Так, эстонский политик (премьер-министр страны в 1992–1994 и 1999–2002 гг.) и историк (автор учебников по истории Эстонии для средней школы³²) Март Лаар в одной из своих работ в Предисловии отметил, что "до сих пор историю писали немцы и русские, писали „официальную историю“, которая игнорировала историю эстонцев. Чтобы сбалансировать данную особенность, эстонские историки иногда становятся довольно национально-центричными. Данная книга призвана рассказать историю борьбы эстонского народа за свободу"³³. Именно интерпретация истории как извечной борьбы за независимость и свободу является характерной чертой не только эстонской, но и латвийской историографии³⁴.

Эстонский вариант политики памяти вполне позволял консолидировать националистический электорат, заручиться поддержкой западных союзников, а значит, нуждался в популяризации среди общественности³⁵. Если для учащейся молодёжи достаточно было скорректировать курс истории и учебные пособия к нему, то для широких слоёв населения требовались более масштабные действия. Было выпущено большое количество научной и научно-популярной литературы на эстонском, английском языках, имеющей откровенно тенденциозный характер³⁶. Кроме того, на помощь

³⁰ Цит. по: Eesti ajalugu, I. Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus / Toimetajad H. Moora, H. Kruus. Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1935. L. 37.

³¹ История Эстонии; *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Очерки истории эстонского народа. Таллин: Купар, 1992. 234 с.; *Ajalugu 5. Klassile* / M. Laar, M. Tilk, E. Hergauk. Tallinn: AVITA, 1997. 224 lk.

³² *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Указ. соч.; *Ajalugu 5. Klassile*.

³³ Цит. по: *Laar M. Estonia's way* / Trans. by H.-H. Dunning; ed. by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda, 2006. P. 13.

³⁴ См.: История Латвии: XX век / Под ред. Д. Блейере, И. Бутулиса, А. Зунда; [пер. с латв. Ж. Эзит]. Рига: Jumava, 2005. 473 с.; История Латвии: Книга для учителя: Эксперим. метод. пособие / Под ред. В. Пуренса, Д. Лиепиня; [пер. с латыш.]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.; *Кеиньш И.* История Латвии: Учеб. для 8–9-х кл. Рига: Звайгзне, 1990. 223 с.

³⁵ Здесь необходимо отметить, что немаловажную роль во внедрении подобных подходов в политику современной Эстонии сыграло то обстоятельство, что туда после распада Советского Союза вернулось много потомков тех слоёв населения республики, которые были связаны сотрудничеством с фашистской Германией. – *Прим. ред.*

³⁶ *Зеттерберг С.* История Эстонской Республики / Пер. Д. Брунса. Таллинн: KPD, 2013. 400 с.; История Эстонии; *Лаар М., Валк Х., Вахтре Л.* Указ. соч.; *Мялксоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: Международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г.: Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / Пер. А. Крашевского. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2005. 400 с.; *Return to the Western World: Cultural and political perspectives on the Estonian post-communist transition* / Ed. by M. Lauristin. Tartu: Tartu University Press, 1997. 309 p. и др.

историкам пришли кинематографисты. Так, на рубеже XX–XXI вв. в Эстонии появились киноленты, посвящённые событиям обретения независимости в 1918–1920 гг., а также 1940 г., где негативно оценивались коммунистическая идеология и факт присоединения к СССР³⁷.

Но наибольший резонанс произвела так называемая война памятников, начавшаяся в 1991 г. и продолжающаяся с разной степенью интенсивности до настоящего времени. В первую очередь сразу после провозглашения независимости с центральных площадей эстонских городов в рамках декommунизации исчезли памятники В. Ленину, другим "красным вождям" и партийным деятелям, улицам и площадям были возвращены довоенные названия. К началу 2000-х гг. основное внимание переместилось на монументы, посвящённые Великой Отечественной войне. Провокации вокруг данных памятников проводились в преддверии местных парламентских выборов. Одновременно стали появляться новые монументы, прославлявшие бывших легионеров СС, а также тех, кто воевал на стороне нацистской Германии или пострадал от советской власти.

20 августа 2004 г. в небольшом городке Лихула (Западная Эстония) по частной инициативе был установлен монумент эстонцам, воевавшим против Красной армии в 1940–1945 гг. (он представлял собой барельеф солдата в немецкой военной форме с автоматом в руках). Памятник простоял всего две недели и был демонтирован по распоряжению правительства, опасавшегося критики со стороны западных союзников и обвинений в попытках реабилитации фашизма³⁸. Демонтаж монумента вызвал массовые беспорядки и сопровождался столкновениями с полицией. В результате официальный Таллин вынужден был выпустить специальное заявление, где говорилось о том, что правительство высоко ценит храбрость людей, боровшихся в разные времена за независимость Эстонии, и считает необходимым увековечить их память. "Однако делать это надо достойно, уважая истинные цели и мотивы этих людей, а не навязанные им временем и обстоятельствами мундиры"³⁹. Именно лихуласский кризис стал поворотным моментом в эстонской "войне памятников", так как продемонстрировал противоречивость официальной исторической парадигмы⁴⁰, выстроенной на основе концепции "оккупации стран Балтии". Националистические круги, возвращённые на данной теории, выставляли официальный

³⁷ Фильм "Nimed marmortahvlil" ("Имена в граните") режиссёра Элмо Нюганена (2002 г., Эстония, Финляндия); "Forest Brothers – Fight for the Baltics" (2017 г., Латвия, Литва, Эстония); фильм "Detsembrikuumus" ("Декабрьская жара") режиссёра Аско Казе (2008 г., Эстония).

³⁸ *Полещук В.В.* "Война памятников" в Эстонии: Этнический аспект // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 103–118; Почему демонтировали памятник в Лихула? // DELFI. 2004. 9 сентября. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/pochemu-demontirovali-pamyatnik-v-lihula?id=8571941> (дата обращения: 04.07.2020).

³⁹ Цит. по: Памятник в Лихула был демонтирован по внешнеполитическим соображениям // DELFI. 2004. 4 сентября. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/pamyatnik-v-lihula-byi-demontirovan-po-vneshnepoliticheskim-soobrazheniyam?id=8532763> (дата обращения: 04.07.2020).

⁴⁰ *Астров А.* Историческая политика и "онтологическая озабоченность" малых центральноевропейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 184–216.

Таллин в неприглядном виде, создавая для Эстонии имидж страны, реабилитирующей нацизм. Политический истеблишмент был не готов терять покровительство западных союзников, но и отказываться от поддержки националистов также не хотел. Крайне правые партии воспользовались ситуацией и выступили с резкой критикой правительства. Так, по данным социологических исследований, проведённых сразу после лихуласких событий, действия правительства по демонтажу монумента назвали справедливыми лишь 29 % эстонцев и при этом 64 % русскоязычных⁴¹. Правящим кругам нужно было искать компромисс, и он был найден в прославлении всех, кто боролся за независимость Эстонии, без акцентирования внимания на сотрудничестве с нацистской Германией. Своеобразная примирительная тональность в освещении событий Второй мировой войны проявилась в открытии нового мемориала в Таллине, в районе Маарьямяэ, в 2005 г., посвящённого эстонцам, сражавшимся против Красной армии. Здесь произошёл отказ от демонстрации в монументах нацистской символики и какой-либо принадлежности к вермахту. Лишь зная исторический контекст событий 1944 г., можно понять, что речь идёт именно о противниках советской власти, воевавших на стороне Германии.

Однако такое лавирование не помогло правительству Юхана Партса удержаться у власти⁴². Новый премьер-министр Андрус Ансип вынужден был "реабилитироваться" в глазах националистов и вернуть их поддержку. Крайне правые тем временем создали Эстонское патриотическое движение (Eesti Rahvuslik Liikumine, ERL), которое стало активно выступать за снос монумента павшим во Второй мировой войне, а по факту – памятника советским воинам – освободителям Таллина ("Бронзовый солдат") в центре столицы. По мере приближения парламентских выборов и после череды осквернений монумента внутривнутриполитическая ситуация в Эстонии начала обостряться. Глава коалиционного правительства А. Ансип выразил поддержку националистам в идее переноса монумента из центра Таллина. Это помогло ему консолидировать правый электорат и одержать победу на парламентских выборах 2007 г.⁴³ В конце апреля 2007 г. правительство А. Ансипа перешло к выполнению предвыборных обещаний и инициировало демонтаж "Бронзового солдата", что вызвало недовольство русскоязычного населения и массовые беспорядки в Таллине и городах северо-восточной части страны, получившие название "бронзовые ночи"⁴⁴. Данный конфликт привёл к новому витку дискуссий вокруг эстонской государственной исторической политики⁴⁵, однако, по нашему мнению, её кардинального пересмотра не произошло, были лишь смягчены формулировки в освещении событий Великой Отечественной войны и перенесены акценты на "преступления оккупационных властей" и тоталитарных режимов. "Война памятников" также не завершилась "бронзовыми ночами". Монумент павшим во Второй мировой войне был перенесён

⁴¹ Полещук В.В. Указ. соч.

⁴² Астров А. Указ. соч.

⁴³ Valimised Eestis 1992–2011: statistikat ja selgitusi. L. 62.

⁴⁴ См.: Розенфельд И. Эстония до и после "бронзовой ночи". Тарту: Крипта, 2009. 576 с.; Monumentaalne konflikt: Mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis / Koostanud P. Petersoo, M. Tamm. Tallinn: Trükikoda OÜ Greif, 2008. 308 lk.

⁴⁵ См.: Астров А. Указ. соч.

на военное кладбище эстонской столицы, и провокации вокруг него утихли. Однако в Таллине, на территории мемориального комплекса Маарьямяэ, возведённого в 1960-е гг. и посвящённого отдавшим жизнь за советскую власть в Эстонии, в 2018 г. был воздвигнут мемориал жертвам коммунизма, повествующий о массовых расстрелах и депортациях, имевших место в период "советской оккупации".

Таким образом, эстонская "война памятников" показала не только слабые стороны местной политики памяти, но и вызванный ею в том числе этнический раскол общества. Так, согласно социологическому исследованию TNS Emor, состоявшемуся в начале мая 2007 г., действия премьер-министра страны А. Ансипа с момента демонтажа "Бронзового солдата" поддержали 82 % эстонцев, тогда как 84 % неэстонцев оценили шаги главы правительства негативно. В июне 2007 г. фирмой Saar Poll был осуществлён опрос населения, связанный с событиями конца апреля 2007 г. Если 51 % эстонцев сочли решение властей о демонтаже монумента "совершенно верным" и 28 % – "скорее верным", то среди неэстонцев данные варианты ответа поддержали лишь 4 и 7 % соответственно⁴⁶.

Мы придерживаемся мнения, согласно которому именно события "бронзовых ночей" и обнажённый ими этнонациональный раскол в стране непосредственно повлияли на решение об учреждении президентом Т. Хендриком Ильвесом Эстонского института памяти в 2008 г. Прообразом этого учреждения явилась Эстонская международная комиссия по расследованию преступлений против человечности (IKUERK, также известная как комиссия Макса Якобсона), созданная президентом Леннартом Мери в 1998 г.⁴⁷ Однако перед институтом, в отличие от упомянутой комиссии, была поставлена вполне конкретная цель: "...дать гражданам Эстонии подробный и объективный обзор положения с правами человека в Эстонии во время оккупации Советским Союзом. <...> Институт не является правозащитным органом или судом. Из его открытий не вытекает никаких правовых последствий. Скорее, цель института состоит в выявлении событий и обстоятельств, которые указывают на нарушение прав человека в рассматриваемый период времени. Планируется создание достоверной базы данных, которая позволила бы изучить происходившие в советское время в Эстонии процессы, а также их следы в современном эстонском обществе и во всей Центральной и Восточной Европе начиная с момента распада Советского Союза. Это результат исследовательской деятельности института и одновременно его вклад в международную дискуссию на данную тему"⁴⁸.

Таким образом, здесь мы видим стремление официального Таллина к переносу "центра тяжести" государственной исторической политики с оценки событий Второй мировой войны, раскалывающих общество, на весь период

⁴⁶ *Нукифоров Н.* Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии // Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / Под ред. М.В. Демурина, В.В. Симиндея. М.: Фонд "Историческая память", 2009. С. 160–163.

⁴⁷ Официальный сайт Эстонского института исторической памяти: URL: <http://mne.mosyne.ee/> (дата обращения: 05.07.2020).

⁴⁸ Цит. по: Эстонский институт памяти // Президент Эстонской Республики. Офф. сайт. URL: <https://www.president.ee/ru/president/institutions/1023-2010-10-04-12-59-06/5079-2010-10-04-13-53-56/layout-institution.html> (дата обращения: 19.07.2020).

существования Эстонской ССР, а также стремление к популяризации данных оценок среди широких слоёв населения. Наиболее заметными итогами более чем десятилетней деятельности Института памяти стали создание мемориала жертвам коммунизма в 2018 г., реконструкция Музея оккупации, а также решение об открытии к 2025 г. одного из крупнейших в мире Международного музея памяти жертв коммунизма в бывшем батарейном тюремном комплексе на берегу Таллинского залива⁴⁹.

Кроме того, в августе 2007 г. эстонские социологи Андрус Саар и Марью Лауристин представили результаты исследования межнациональных отношений после апрельских событий и разработали критерии (или признаки) интегрированности. Ими было выделено семь критериев успешной интегрированности, в числе которых "позитивная оценка развития Эстонии в течение последних 15 лет"⁵⁰, т.е. оценка интегрированности в эстонское общество становится напрямую связанной с "правильным" отношением к новейшему периоду истории государства.

Подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что на протяжении 1990–2000-х гг. в Эстонской Республике постепенно складывалась вполне продуманная государственная историческая политика, нацеленная на решение конкретных внутренних и внешнеполитических задач. В данной исторической политике, на наш взгляд, можно выделить три составляющие: концепцию "оккупации стран Балтии", этноцентризм и антикоммунизм. Каждая из них прослеживается в законотворчестве, научно-образовательной и социально-культурной сферах. Направляющая роль отведена государственному Эстонскому институту исторической памяти.

Ключевые слова: *государственная историческая политика – политика памяти – Эстония – этноцентризм – русскоязычное население.*

Keywords: *state politics of the past – memory politics – Estonia – ethnocentrism – the Russian-speaking populace.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Астров А.* Историческая политика и "онтологическая озабоченность" малых центральноевропейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке: Сб. статей / Под ред. А. Миллера, М. Липмана. М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 184–216.

2. Балтийская ассамблея: Сб. докл. Таллинн, 13–14 мая 1989 г. // Народный фронт Эстонии. Таллинн: Валгус, 1989. 15 с.

3. *Вербин В.* 20 лет Конгрессу Эстонии, или Тёмная сторона Луны // DELFI. 2010. 11 марта. URL: <https://rus.delfi.ee/projects/opinion/20-let-kongressu-estonii-ili-temnaya-storona-luny?id=29709683> (дата обращения: 15.07.2020).

⁴⁹ Проект музея 2025 // Эстонский ин-т исторической памяти. URL: <https://pata.reiprison.org/et/museum-2025/projektist> (дата обращения: 20.07.2020).

⁵⁰ Цит. по: *Денисов Г.* Новый образ интегрированного неэстонца // DELFI. 2007. 13 августа. URL: <http://rus.delfi.ee/projects/opinion/novyj-obraz-integrirovannogo-neestonca.d?id=16661046> (дата обращения: 20.07.2020).

4. Гёттингенская рабочая группа. Офиц. сайт. URL: <http://www.goettinger-arbeitskreis.de/geschichte/> (дата обращения: 14.07.2020).
5. Григорян Р. Неизвестные страницы "поющей революции" // Анатомия независимости: Сб. статей / Под ред. Р. Григоряна, И. Розенфельда. Тарту: Kripta, 2004. С. 157–199.
6. Денисов Г. Новый образ интегрированного неэстонца // DELFI. 2007. 13 августа. URL: <http://rus.delfi.ee/projects/opinion/novuy-obraz-integririvannogo-neestonca.d?id=16661046> (дата обращения: 20.07.2020).
7. Зеттерберг С. История Эстонской Республики / Пер. Д. Брунса. Таллинн: KPD, 2013. 400 с.
8. История Латвии: XX век / Под ред. Д. Блейере, И. Бутулиса, А. Зунда; [пер. с латв. Ж. Эзит]. Рига: Jumava, 2005. 473 с.
9. История Латвии: Книга для учителя: Эксперим. метод. пособие / Под ред. В. Пуренса, Д. Лиепиня; [пер. с латыш.]. Рига: RaKa, 2000. 241 с.
10. История Эстонии / Пер. Э. Вяря. Таллинн: Avita, 2020. 350 с.
11. Кениньш И. История Латвии: Учеб. для 8–9-х кл. Рига: Звайгзне, 1990. 223 с.
12. Конгресс Эстонии // Estonica: Энциклопедия об Эстонии. URL: http://www.estonica.org/ru/Конгресс_Эстонии_/ (дата обращения: 14.07.2020).
13. Конституция Эстонской Республики // Президент Эстонской Республики. Офиц. сайт. URL: <http://www.president.ee/ru/republic-of-estonia/constitution-of-the-republic-of-estonia/index.html> (дата обращения: 16.07.2020).
14. Куртов А.А. Пироманы из Закавказья: Деятельность политиков Грузии по развалу Союза ССР // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). С. 7–43.
15. Куртов А.А. Эстония сдаётся // Столетие. 2005. 21 июня. URL: http://www.stoletie.ru/grossiya_i_mir/estoniya_sdaetsya.htm (дата обращения: 03.08.2020).
16. Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. Таллинн: Купар, 1992. 234 с.
17. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. Май – август. № 3–4 (46). С. 6–23.
18. Мьяксоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: Международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г.: Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве / Пер. А. Крашевского. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2005. 400 с.
19. Никифоров Н. Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии // Современная европейская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии / Под ред. М.В. Демурина, В.В. Симиндея. М.: Фонд "Историческая память", 2009. С. 160–163.
20. О государственной независимости Эстонии // Ведомости Эстонской Республики. 1991. 21 августа. № 25.
21. Памятник в Лихула был демонтирован по внешнеполитическим соображениям // DELFI. 2004. 4 сентября. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/pamyatnik-v-lihula-byl-demontirovan-po-vneshnepoliticheskim-soobrazheniyam?id=8532763> (дата обращения: 04.07.2020).
22. Полецук В.В. "Война памятников" в Эстонии: Этнический аспект // Этнографическое обозрение. 2008. № 3. С. 103–118.
23. Постановление Верховного Совета Эстонской ССР "О государственном статусе Эстонии" от 30 марта 1990 г. // К Союзу Суверенных Народов: Сб. документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвящённых проблеме национально-государственного суверенитета / Сост. А.И. Доронченков. М.: Ин-т теории и истории социализма ЦК КПСС, 1991.
24. Почему демонтировали памятник в Лихула? // DELFI. 2004. 9 сентября. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/pochemu-demontirovali-pamyatnik-v-lihula?id=8571941> (дата обращения: 04.07.2020).
25. Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии / Под ред. В.В. Полецука. М.: Рус. панорама, 2009. 243 с.

26. Проект музея 2025 // Эстонский ин-т исторической памяти. URL: <https://patareiprison.org/et/muuseum-2025/projektist> (дата обращения: 20.07.2020).
27. *Розенфельд И.* Эстония до и после "бронзовой ночи". Тарту: Крипта, 2009. 576 с.
28. С гражданством и без // Молодёжь Эстонии. 1998. 11 апреля. URL: <http://www.moles.ee/98/Apr/11/2-1.html> (дата обращения: 17.07.2020).
29. *Середенко С.* Русская правда об эстонской конституции // Ин-т Русского зарубежья. 2011. 16 ноября. URL: <https://russkie.org/articles/russkaya-pravda-ob-estonskoy-konstitutsii/> (дата обращения: 17.07.2020).
30. Сопроводительное письмо к проекту постановления Верховного Совета Эстонской Республики "О гражданстве Эстонской Республики" // Rahvusarhiiv (Эстонский государственный архив). Ф. R-3. Оп. 3. Д. 16115.
31. Эстонский институт исторической памяти. Офиц. сайт. URL: <http://mnemosyne.ee/> (дата обращения: 05.07.2020).
32. Эстонский институт памяти // Президент Эстонской Республики. Офиц. сайт. URL: <https://www.president.ee/ru/president/institutions/1023-2010-10-04-12-59-06/5079-2010-10-04-13-53-56/layout-institution.html> (дата обращения: 19.07.2020).
33. Ээсма: 80 лет спустя нам всё ещё нужна декларация Уэллеса // DELFI. 2020. 23 июля. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/eesma-80-let-spustya-nam-vse-eschenuzhna-deklaraciya-uellesa?id=90526973> (дата обращения: 23.07.2020).
34. *Ajalugu 5. Klassile / M. Laar, M. Tilk, E. Hergauk.* Tallinn: AVITA, 1997. 224 lk.
35. *Eesti ajalugu, I. Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus / Toimetajad H. Moora, H. Kruus.* Tartu: Eesti Kirjanduse Selts, 1935.
36. *Eesti NSV / Eesti Vabariigi Ülemnõukogu XII koosseis Statistikat ja ülevaateid Riigikogu Kantselei Eesti Rahvusraamatukogu 29.03.1990 – 29.09.1992.* Tallinn: Riigikogu Kantselei, 2013. 288 lk.
37. *Graf M.* Impeeriumi lõpp ja Eesti taasiseseisvumine 1988–1991. Tallinn: Argo, 2012. 456 lk.
38. *Kodakondsuse seadus (Закон о гражданстве 1938/1992) // Riigi Teataja.* 1992. No. 7.
39. *Laar M.* Estonia's way / Trans. by H.-H. Dunning; ed. by R. Hazlehurst. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda, 2006. 296 p.
40. *Meissner B., Loeber D.A.* Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994. Hamburg: Bibliotheca Baltica; Tallinn: Ühiselu, 1995. 319 lk.
41. *Monumentaalne konflikt: Mälu, poliitika ja identiteet tänapäeva Eestis / Koostanud P. Petersoo, M. Tamm.* Tallinn: Trükikoda OÜ Greif, 2008. 308 lk.
42. *Return to the Western World: Cultural and political perspectives on the Estonian post-communist transition / Ed. by M. Lauristin.* Tartu: Tartu University Press, 1997. 309 p.
43. *Statement by the Acting Secretary of State, the Honorable Sumner Welles. July 23, 1940 // Wilson Center. Digital Archive.* URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/144967.pdf> (дата обращения: 23.07.2020).
44. *Valimised Eestis 1992–2011: statistikat ja selgitusi.* Tallinn: Vabariigi Valimiskomisjon, 2011. 118 lk.